

ЛИТОВЦЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ*

ПАВЕЛ ЛАВРИНЕЦ

Католическое крещение Литвы (1388), объединение Великого княжества Литовского с Королевством Польским личной унией и в особенности соединение двух государств в Речь Посполитую Обоих Народов (1569) в русской историографии XIX в. обычно трактовалось как поглощение Литвы Польшей. Образцом общепринятого мнения могут быть суждения П. В. Кукольника, в своих работах отличавшегося не столько глубиной и самостоятельностью, сколько стремлением придать должную стройность и назидательность изложению сведений, почерпнутых у российских и польских историков. После Люблинского съезда, писал бывший профессор Виленского университета, «два племени слились в одно, или, лучше сказать, польское залило литовское». Следствием стало исчезновение литовцев:

Все в Литве преобразилось по польским образцам: язык, народность, одеяния, нравы, обычаи, порядок судопроизводства, чиновное положение, одним словом все, что составляет отличительные признаки существования особого народа, введено и утвердилось польское. Литва как бы исчезла с лица земли [Кукольник П. 1860: 24].

В этой перспективе России после разделов Речи Посполитой достались земли с исчезнувшим народом — объектом исторического ретроспективного дискурса. Впрочем, тезис о том, что вследствие Люблинской унии Литва приняла образ управления Польши, «чиноположение, обычаи, язык, одежду, словом

* Статья написана при поддержке Научного совета Литвы (исследовательский проект «Традиция, представления и современные идентичности ВКЛ», договор № VAT–19/2010; Национальная программа «Государство и нация: наследие и идентичность»).

слилась с нею в один народ», в речи Кукольника на открытии Виленской археологической комиссии дополняла немаловажная оговорка: «Осталось только имя Литвы, а следы ее народности сохранились под соломенными крышами бедных земледельцев» [Кукольник П. 1856: 43]. Российская наука на полном исчезновении литовского «племени» не настаивала и проявляла заинтересованность в его изучении. Заинтересованность носила характер специальной этнографической озабоченности исчезающим явлением: член-сотрудник Русского географического общества Э. А. Вольтер призывал собрать и сохранить для науки все то, что еще не погибло безвозвратно в быте, языке, сказаниях и поверьях литовцев [Вольтер: 123–125].

Литовцы на протяжении XIX в. составляли незначительную долю городского населения и в большинстве своем были крестьянами [Aleksandravičius, Kulakauskas: 224–233], что объяснялось их верностью «своему историческому типу», «врожденным стремлением к обособлению», неприятием жизни в городах и влечением к сельской жизни, «мистическим благоговением пред землей»; мещане же, сохраняя «следы польского владычества», не знают литовского языка, «все говорят по-польски, поют польские песни» [Кудринский: 119–120, 129–130]. Из особенностей социальной структуры литовского общества, полонизации, затронувшей прежде всего горожан и шляхту, и отождествления Речи Посполитой с Польшей вытекало восприятие Литвы как польского края. Например, для Ф. Н. Глинки в стихотворении «Партизан Сеславин» (1827) Вильна — «польский град». В «Письмах русского офицера» по поводу развалин замка в Медниках близ Вильны автор замечает, что рушатся и исчезают «старинные крепости Польши, и самая важная из всех — *крепость нравов*»; на страницах, посвященных Вильне, упомянуты польские женщины с добродетельными нравами, гостеприимные и смущенные победой русских поляки, а единственный литовец — основав-

ший город за «509 лет пред сим» Гедемин¹, «князь литовский» [Глинка: 60–63, 212–213, 252–263]. Восторженным восклицанием «Польша!.. одно это слово сводит меня с ума от радости!..» начинается вставная новелла «Гудишки» из «Добавлений» к «Запискам кавалерист-девицы» (1839) Н. А. Дуровой. В воображении рассказчицы, оказавшейся в краю воинственного прошлого и «чарующей таинственности», оживают персонажи «Конрада Валленрода» Мицкевича и все, что она читала «о происшествиях этого края, о войнах Литвы». С поэтическим прошлым и его прекрасными и величественными героями контрастирует настоящее скудной крестьянской жизни, глинистых полей, возделываемых «худыми, бедными *chlora mi*» с бессмысленным взглядом. Нынешний литвин «мало чем разнится» от баранов, «с которыми живет в одной избе»; он не похож на тех, которые «доблестно воевали с рыцарями храма», а «безобразные бабы и девки», «дурные лицом, дурно одетые», — на тех, чья «красота превосходила красоту струй» [Дурова 1988: 280–281].

Отмеченные обстоятельства определили особенности судеб литовцев в русской литературе: быт, нравы, народная культура реальных литовцев стали предметом преимущественно этнографических ученых описаний; персонажами художественных произведений стали древние литовцы. Это придало литовской романтической экзотичности окраску, отличную от изображения облика, нравов и обычаев «народов финского и скандинавского происхождения», «воинственных сынов тихого Дона», «буйных жителей Кавказа», «остатков некогда грозных России татар» и т.п., если воспользоваться формулировками трактата О. М. Сомова «О романтической поэзии» (1823). В русской художественной литературе первых десятилетий XIX в. персонажи литовцы появились в жанрах со специфическим временем — прошлым баллады («Вадим» В. А. Жуковского; пушкинский перевод из «Будрыс и его сыновья. Литовская балла-

¹ Имена исторических персонажей и названия реалий литовской языческой культуры даются в тех формах, в которых они выступают в рассматриваемых произведениях.

да»; ср. также «тесный дом» мертвого жениха «Там, в Литве, в краю чужом» в «Людмиле»), думы («Глинский», «некогда знатный и богатый литовский вельможа», К. Ф. Рылеева; ср. также «Курбский» — «В Литве враждебной грустный странник»), поэмы (пушкинский перевод вступления к «Конраду Валленроду»; «Литвинка» М. Ю. Лермонтова, опубликованная спустя десятилетия, и «Боярин Орша», с формулами «Близ рубежа Литвы чужой» и мотивом агрессии: «беспокойная Литва / С толпою дерзких воевод / На землю русскую идет»), исторической повести (эпизодически в «Романе и Ольге» А. А. Бестужева-Марлинского; бегло упомянутые «полудикие литовцы», приведенных «панами на разбой и убой», в пестрой «смеси народов» в лагере одного из военачальников Лжедмитрия II в повести «Изменник»), исторической драмы («Елена Глинская» Н. А. Полевого, отрывок в «Сыне отечества» в 1836 г.). Ближайший контекст этих и других подобных произведений составляют «литовские страницы» «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, сюжеты литовской мифологии, представленные в переведенных с польского статьях Л. Юцявичюса из газеты «Tygodnik Petersburski», появившиеся в «Сыне отечества», начиная с 1836 г. (показательно, что первые такие статьи помещались в рубрике «Древности»), и стихотворения, подобные «Литовской песне», с похвалой удалого молодца, на коне облетевшего землю из конца в конец с саблей наголо, и везде враг бежал [ВА].

Изображение литовцев в перечисленных произведениях русских писателей в целом отвечало представлениям о том, что романтизм «любит воспоминания о старинных обычаях, любит тосковать по минувшем, любит натуру дикую, простую, не образованную искусством!..» [Снядецкий: 197]. Дикость и простота литературных литовцев прошлого сочетается с воинственностью и враждебностью. Например, в «Вадиме» литовский князь и исполнитель его воли — враждебные носители угроз и опасностей, агрессивного иноверия («враг церкви православной»). Дикость состоит в конфессиональном, моральном и цивилизационном отличии от русских и выражена звероподобностью: у князя душа «зверонравна», противник бла-

городного русского витязя — вооруженный дубиной исполин в медвежьей шкуре — дважды назван хищником, уподоблен волку, лишен членораздельной речи («Ни слова тот на грозну речь»), и лишь поверженный «захрипел / Под конскими ногами»); огромный рост выводит его за пределы норм человеческих размеров, делая некоторым образом не-человеком.

«Медвежья кожа на плечах» надолго стала едва ли не обязательной деталью облика литовца [Лавринец 2008a], соответствуя сведениям современной историографии, согласно которым литовским воинам латы и панцири в древности заменяли медвежьей шкуры шерстью вверх, а «шкура с головы зверя и челюсть его, с зубами», — шлем [Киркор: 11]; одежда воинов «состояла из медвежьих шкур», головным убором служила большая войлочная шапка [Кудринский: 90]; в романе Н. В. Кукольника «Альф и Альдона» звериные головы — шапки литовского простонародья; в повести С. Р. Минцлова «В лесах Литвы» литовцы одеты в «звериные шкуры шерстью вверх», на головах у воинов дружины полангенского кунигаса «остроконечные волчьи шлыки», на плечах — «звериные шкуры» [Минцлов: 8]. Означая технологическую и, следовательно, цивилизационную отсталость, эта деталь метонимически и метафорически относилась литовцев на границу между культурой и природой, на периферию, — если не вовсе за пределы, — цивилизации и человеческого рода.

Первым русским романом на литовскую тему стал роман «Гудишки» Н. А. Дуровой. Его действие отнесено к неопределенной далекой эпохе, «когда Литва еще была *Литвою* и имела множество богов везде и для всего, то есть: была еще Княжеством и поклонялась идолам» [Дурова 1839: I, 10]. Временную дистанцию подчеркивает финал: на развалинах замка спустя годы вырос господский дом, затем на его месте раскинулось ржаное поле, а связанные с замком происшествия изгладилась из народной памяти; если спросить «теперешних литвинов», то они «отвечают с глупо-беспечным видом: “а Бог знает, что пане, що тут когдась было! говорят люди, що жила

якась мара оттам, где теперь болото”»² [Дурова 1839: IV, 213–214]. В «Гудишках» литовцы именуется литвинами, как и в балладе «Будрыс и его сыновья», исторических романах и повестях из прошлого Литвы Н. В. Кукольника и других авторов, в пьесе С. Ф. Калугина «Бирута и Кейстут» и в поэме В. Ивицкого «Царица Балтийского моря. Литовское предание» (1899). Этот этноним в литературных произведениях использовался отнюдь не в том значении, в котором он применялся в письмах и мемуарах XIX в. к славянам — выходцам из земель бывшего Великого княжества Литовского, таким, как Сенковский, Булгарин или Мицкевич, для того, чтобы отличать их от поляков — уроженцев коронной Польши [Федута: 8, 126, 130–131]. Литературные литвины и литовцы идентичны, как бы они ни назывались в оригинальных и переводных произведениях (в романе Г. А. Хрушова-Сокольников «Грюнвальдский бой» оба этнонима используются попеременно), — воинственные язычники с экзотическими именами, Конрад и Альдона, Литавор и Гражина Мицкевича, в пушкинских переводах из Мицкевича Будрыс, Паз, Ольгерд, Кестут со своими священными рощами и «литовскими богами», у Дуровой — литвин Рокоч, его жена Керелла, дочь красавица Астольда и ее прабабка безумная вешунья Нарина, Ольгерд (не исторический князь, а сын одного из вельмож).

Романные язычники поклоняются «грозному Перкуну», «деревянным болванам» и главным образом Пеколе и его кумиру, вокруг которых выстроен запутанный готический сюжет, усложненный нарушениями линейной хронологической последовательности и сменами планов повествования, с родовым проклятием знатного литовского рода, предсказаниями Нарины, коварными происками демонического антагониста Воймира и кумиром-куклой Пеколой, наделенным сверхъестественными качествами. Несмотря на все усилия Рокоча избе-

² Наречие, на котором изъясняются местные мужики в «Записках кавалерист-девицы», в передаче Дуровой также «больше напоминает украинский язык», знакомый ей по проведенному на Украине детству [Сидеравичюс 1998б: 280].

жать судьбы, он погиб в роковой день пятнадцатилетия дочери, когда в его уединенное жилище прибыл отпрыск знаменитой литовской фамилии граф Яннуарий Торгайло со своей свитой и рука христианина поляка коснулась кумира. Пекола стал излюбленной игрушкой и талисманом приемного сына графа; благодаря безобразной кукле Евстафий чудесным образом приобрел знания, ум, красоту, силу, всеобщую любовь. Он завладел сердцем Астольды; она, выйдя замуж за графа, стала, как и было предсказано, «первой из дев литовских, первой из нашего народа», отступившей «от веры отцов своих» и ослепившейся «гибельным светом» христианской веры [Дурова 1839: I, 65].

В разработке литовской темы роман Дуровой остался исключением; жанровые конвенции готического романа, очевидно, делают нерелевантными в отношении «Гудишек» разноречивые суждения о достоверности изображения быта и характера литовцев, которые высказывались в современной критике и позднейшей исследовательской литературе. После романа «Альф и Альдона» Н. В. Кукольника (1842), изображающего Литву XIV в., литовцы стали персонажами исторических романов, повестей, поэм, драм, также исторических экскурсов в стихотворениях П. В. Кукольника и поэме А. В. Жиркевича. Литовцы Кукольника не чужды пылких страстей и тонких переживаний, охотятся и воюют с немецкими рыцарями (в чем участвуют «стада дикарей» из неприступных лесов [Кукольник Н.: III, 151–152]), пьют мед акус и слушают песни буртников, поклоняются множеству богов и с участием многочисленных жрецов криве, сигонотов, тилуссонов, жриц вайделоток, «литовских вакханток» рагутниц совершают диковинные обряды. По роману, уже при Гедымине Русь «смешалась с Литвою», внося «в быт язычников свои нравы», пролагая «пути к принятию христианства» [Там же: II, 149]. При густоте экзотического антуража от необычных имен и топонимии до фантастических описаний языческих храмов и странных обычаев изображения светлиц и теремов предстают картинами скорее русской, чем литовской жизни; персонажи друг друга называют на русский лад Альдонушка, Бирута Видымундовна,

Ольгерд Гедимынович. Близости литовцев к русским, приемлемости для них православия противопоставлено враждебное отношение к католицизму: кроме единственного «поборника латинской веры» «между всеми боярами и князьями литовскими» Гаштольда «не было католиков во всем великокняжестве», «латинского креста» «не принимают литвины, бегут от него, или сражаются» [Кукольник Н.: II, 68–69]. Собственно «знаменитая Литва, от которой все великокняжество носило название», — едва заселенный «полудикими людьми» бедный край непроходимых лесов. Остальная часть княжества состояла из богатых русских земель и «народа, осененного православием», вела обширный торг, блистала христианскими храмами, «наукой и искусствами своего времени». Ольгерд свой народ называет «стадом зверей» и «моими дикарями» [Там же: II, 25, 30]. Дикий, «как леса его», литовский удел Кейстута не испытал благотворного влияния православной цивилизации, дремлет «во мраке невежества» и поклоняется «идолам языческой Литвы» [Там же: III, 10–13]. Многочисленное жреческое сословие с неправдоподобно развитой иерархией и специализацией характеризуется низким уровнем морали. Для сохранения языческой дикости, обеспечивающей ему власть и благополучие, оно отчаянно сопротивляется мирно распространяющемуся православию и более высокой цивилизации, прибегая к обману и преступлениям (подробнее [Лавринцев 2008б: 408–410]).

В стихотворениях П. В. Кукольника «Александрю Антоновичу Де-ла-Гарде (Гумореска)» (1856) и «Аделаиде Романовне Гейнрихсен (Воспоминания о Вильне)» (1861) язычество, выступающее вместе с воинственной агрессивностью основной чертой «литовцев-дикарей», рисуется требующим человеческих жертв в честь «бессловесных истуканов» [Кукольник П. 1861: 53, 76–78]. Расхожесть представлений о кровавых жертвоприношениях литовцев может иллюстрировать газетный фельетон с описанием храма Перкуна на месте нынешнего католического Кафедрального собора в Вильне: сюда «толпами стекались мохнатые литовцы, покрытые звериными шкурами, для принесения жертвы богам, которая нередко состояла из пленных

сарматов и крестоносцев»; с соседней башни верховный жрец «изъявлял полудиким толпам волю богов, живо разносимую ими по всем концам дремучих дебрь литовских» [Бутвиловский: 314]. Экспозиционные строки главы «Вильна» в поэме А. В. Жиркевича «Картинки детства» (1890) живописуют прошлое, когда язычество («жертвы в мрачном храме») освящало воинственную мощь («силы грубой меч») уподобляемых зверям литвинов:

Как зверь безжалостен, суров,
Просил литвин своих богов
Помочь в набегах за пределы
Соседних стран, и звук цепей
Летел до грубых алтарей.

По-своему привлекательный «образ строгий и кровавый» «старинны ужасной» и «зверства этих мест», «сумрак угрюмый» жестокого язычества питает детские фантазии героя [Жиркевич: 167–169].

Восстание 1863 г. актуализировало историографические концепции средневековой Литвы как литовско-русского государства, изначальной близости или родственности литовцев русскому народу, представления о наносном характере чуждой литовцам польской католической цивилизации и губительном по последствиям для литовской народности католическом крещении Литвы; его виновник Ягайло противопоставлялся двоюродному брату Витовту — верному сыну литовского народа. Доказательству исконности русских начал в Литве и склонности литовцев к православию служили драматические сцены из времен князя Ольгерда «Свержение язычества в Вильне» (1866) и пьеса «Бирута и Кейстут» (1867), исторический роман «Ягайло» (1867–1868) С. Ф. Калугина. Во всех этих произведениях использован обычный экзотический антураж — языческие обычаи и обряды, напиток алуc, колокольчики на одежде девушек и давших обет безбрачия жриц вайделоток (звон позволял контролировать их поведение), хитрые, коварные и развратные жрецы сигоноты, вайделоты и

верховный жрец криве-кривейто, бог преисподней Пеклос, богиня любви Мильда и другие божества.

В драме в стихах А. А. Навроцкого «Крещение Литвы» (1874) в противоречивых действиях властолюбивого Ягелло отражается непоследовательность властителя, изменившего вере предков ради короны, но не вполне отринувшего язычество. На пиру в виленском замке он позволяет пирующим наливать вино по польскому обычаю в кубки или, как принято у литовских язычников, в рога, и себе наливает в роговый кубок, веря как язычник, что рог уничтожает колдовство и наговор на вливаемый напиток. Певца Наримунда, отказавшегося петь по приказу «изменника богов», Ягелло велел казнить; но в финале, не вняв увещаниям архиепископа Бодзанты, приказал похоронить последнего «хранителя нашей веры» криве-кривейто (верховного жреца) Лиздейко по языческому обряду.

Песни Наримунда вызывают «И скорбь, и радость, и отвагу, / И месть врагам, и похвалу / Деяньям предков...» [Навроцкий 1879: 14]. В конфликт с князем он вступает из-за песни, славящей богов. Певец выступает в функции носителя патриотического самосознания, неотделимого от традиционной национальной культуры, знакомой по «Конраду Валленроду» Мицкевича и «Литвинке» Лермонтова (где ночная «родимая песня» напоминает пленнице Кларе о родине, минувшем и вольности). Поята, дочь Лиздейко, бежит с христианином из отчего дома и сменяет веру из любви к рыцарю Тевтонского ордена Конраду Ротенштейну. Сходным образом сила любовного чувства преодолевает патриархальные культурно-бытовые ограничения и этноконфессиональные границы в сюжете любви православной русинки к язычнику литвину в «Свержении язычества в Вильне» Калугина, в сюжетных линиях любви литвинки и русина в «Бируте и Кейстуте» того же автора и в романе «Грюнвальдский бой» Хрущова-Сокольников. Такой женский персонаж связан с мотивом особого положения и особенного характера литовской женщины, обязанный прежде всего «Гражине» Мицкевича и отразившийся в «Литвинке» Лермонтова (Литва — край, где «вольны девы», вольны и в выборе спутников жизни).

В драме в стихах «Иезуиты в Литве» (1876) Навроцкого укрепление католичества при Стефане Батории разрушает сложившийся образ жизни и традиционную веротерпимость. Сюжет романа Вс. С. Соловьева «Княжна Острожская» (1876) движется кознями иезуитов в краю, изображенном Литовской Русью, где православие было «господствующей народной религией», но «царили совершенно языческие понятия и верования» [Соловьев: 9–10], описанные намного лаконичнее, чем в других романах и повестях из прошлого Литвы. Чуждые «литовскому православию» католичество и польские «непутные, разорительные моды» подрывают прежнее благочестие и строгие нравы. Особенности статуса и поведения литовской женщины оцениваются негативно, поскольку из-за них «семейные нравы литовской аристократии» пришли к упадку: имея «многие права» и пользуясь «большою независимостью», женщина при «полном отсутствии самоуважения» и недостатке воспитания «стремилась только к роскоши и неприличному кокетству» [Там же: 15]. В похищении и заточении иезуитами Гальшки Острожской реализуется своеобразный вариант сюжета «литовской пленницы», перекликающийся с «Литвинкой» Лермонтова и «Альфом и Альдоной» Кукольника, где главные герои прижиты крестоносцем с Германадой — захваченной в плен женой пилонского князя Маргера.

В поэме Липкина «Пац и Наря» (1886) образ экзотичного прошлого создается изображением нравов и быта «рыцарей-панов» с охотами и пирами, застольными речами о тевтонах, «дерзком шведе», «краковских тайнах» и сечах, воспоминаниями про литовских князей и «славу в кровавых боях», упоминаниями дворца Гедимины и Ягелоннов, именами вельмож Радзивилла, Сапеги, Потоцкого, описаниями необычной одежды (кунтуши «в жемчужных кистях», «красота фантастичных жупанов», «узорные латы») [Липкин 1888: 136, 138, 140, 162, 164]. Наря из-за тяги к свободе томится в монастыре, куда ее отдал на воспитание овдовевший отец. Вернувшись в «родной густолиственный сад», отважная и гордая литвинка участвует в опасных охотах, управляясь с могучим арабским конем и владея луком (в «Литвинке» героиня сражается «как ангел

брани», в «Альфе и Альдоне» княгиня эйрагольская Далия, несмотря на молодость и нежное сложение, наделена необычайной силой, отвагой и непокорным нравом, искусством метать копьё и управлять мечом [Кукольник Н.: III, 126–127]). Романтичная экзотика служит фоном сюжету преступной страсти магната Паца к дочери. Иной, сугубо языческий колорит, с обилием введенных в текст и примечания верований и преданий, придан поэме «Кейстут и Бирута» (1890) Липкина о преступной страсти князя к жрице.

В романе Хрущова-Сокольниково «Грюнвальдский бой, или Славяне и немцы» (1889) Витовт и Ягайла называются славянскими князьями, обитатели «бедной, дикой и лесистой страны» — «литовскими славянами»; цель Витовта — освободить «святые славянские земли от позора немецкого ярма» [Хрущов-Сокольников: I, 182, 211, 152]. При близости русским литовцев отличает своеобычность, знаками которой выступают необычные имена и элементы социальной структуры, языческого культа, быта: жмудинка-кормилица Германда в одежде «национального жмудинского покроя», «литовские весталки» вайделотки, вечный огонь Знич, «золотой алус», который пьют из турьих рогов, и т.п. (часть имен, реалий, сцен заимствована из романа Н. В. Кукольника [Лавринец 2009a]). Свообразие обителей непроходимых лесов и болот усилено чертами дикости: сыновья жмудинского воеводы Стрыся — неразговорчивые косноязычные богатыри, «дикари от рождения», в глазах которых нет ничего, «кроме дикости и безграничного упрямства» [Хрущов-Сокольников: I, 163–174]; на войну с Орденом из недоступных дебрей вышли «удивительные дикари» — исполины с лицами, на которых трудно «уловить даже искру чего-то похожего на общечеловеческие чувства», с всклокоченными «пуками непокорных, жестких, рыжих волос», одетые в «звериные шкуры, накинутае прямо на голову», вооруженные громадными сучковатыми дубинами, необузданные «в проявлениях своей дикой, животной натуры» [Там же: 248–250]. Накануне боя «дикие орды лесных обитателей» под удары мечей о щиты и звуки бубнов поют «какие-то неслыханные дикие песни, скорее похожие на вой

волков»; в бой они вступают как «звери, бросающиеся на добычу» [Хрущов-Сокольников: II, 107, 121].

Важную роль в идеологической конструкции и сюжетном развитии играют фигура певца Молгаса и его песни. В тереме дочери князя Вингаллы Эйрагольскаго Скирмунды песня старого слепого лирника о коварстве и жестокости немцев воспламеняет сердца княжны и сенных девушек. Спетые Витовту и Ягайле песни о «славном Гедымине, «удалом князе Кейстуте льве литовском» и отравленных крыжаками детях Витовта побуждают колебавшегося Ягайлу решиться на войну с немцами [Там же: I, 240–241]. Скирмунда, высокая голубоглазая красавица «с дивными золотисто-русскими косами по плечам» [Там же: 33], — типичная литературная литвинка по внешнему облику и сильному характеру. Его определяют два глубоких чувства — горячая любовь к родине и своему народу и любовь к смоленскому князю Давиду. Во избежание брака с нелюбимым мазовецким князем («латинской веры, польский заморыш» [Там же: 44]), на чем по военно-политическим соображениям настаивал отец, княжна дала обет служения богине Прауриме, предполагающий безбрачие. Но любовь превозмогает и религиозные запреты, когда Скирмунда в «дикой решимости» соглашается с замыслом возлюбленного отбить ее по пути в святилище Прауримы и бежать с ним. Аналогичным образом в повести Минцлова «В лесах Литвы» (1905) Оллита дает обет вайделотки, чтобы не идти замуж за нелюбимого кунигаса, но бежит с возлюбленным рыцарем. Замысел Давида не удался; Скирмунду захватили крестоносцы, и в заточении «литовская пленница» родила ребенка от комтура, воспылавшего страстью к ней; когда ее освободили воины Вингаллы и Давида, то она бросилась в костер, чтобы смертью в огне очистить себя от бесчестия.

Ягелло в «бывальщине» А. А. Коринфского «Ягелло и Витовт», Ягайло в поэме М. Липкина «Ягайло» (1905) и в повести С. Р. Минцлова «На крестах» (1906) изображен коварным властолюбцем, ради власти не брезгующим убийством Кейстута, союзом с заклятыми врагами литовцев и предательством своего народа. У Коринфского «орла Литвы», любимого наро-

дом Витовта ценой своей жизни спасает верная служанка княгини Анны, «дочь Литвы» Елена. Сходным образом в поэме Липкина контрастный заглавному герою характер представлен самоотверженной Пятой, готовой для спасения отчизны и веры отцов пожертвовать девичьей честью и долгом жрицы. Поэма насыщена густым слоем реалий языческой культуры, с фантастическими сведениями в примечаниях о том, что кумыс был любимым напитком литовцев («что доказывает их восточное происхождение»), что в древности литовцы «на манер краснокожих американцев убивали старух и стариков в тяжелые дни общественной жизни» [Липкин 1905: 3, 8]. Отчасти схожими средствами в повестях Минцлова «В лесах Литвы» и «На крестах» описан экзотичный быт Литвы XIV в. с особой социальной структурой, разветвленной специализацией жрецов, языческой культурой с богатым пантеоном и своеобразными поверьями, праздниками, обрядами. Нравам и простоте чувств высоких белокурых литовцев соответствует патриархальный образ жизни в диких непроходимых лесах: они охотятся и воюют с внешними врагами, обитают в деревянных нумаях на сваях, поют песни под аккомпанемент канклис, пьют из рогов алюс («медвяное пиво»), паскайлес («крепкий мед»), черное молоко (кумыс) (подробнее [Лавринец 2009б: 67–69]).

Подводя итоги, следует сделать вывод: изображение литовцев в русской литературе зависело от фундаментальных особенностей повествования о прошлом, отличном от настоящего, и жанровых конвенций исторических драм, поэм, повестей и романов. Прошлое конструируется как антитеза современному, знакомому и обычному, своему, культурному и «нормальному». Представления о норме включают, в частности, нормальный человеческий рост, за пределы которого уходят «огромный великан» Жуковского и «обросшие волосами гиганты» Хруцова-Сокольникова. Древние литовцы наделены честностью, благородством и необычайным гостеприимством; их простота и добродушие противопоставлены порочным нравам жестоких, лживых, корыстолюбивых немецких рыцарей в романе Хруцова-Сокольникова и повестях Минцлова, в эпигонском романе-легенде Л. Кормчего «Гений мира» (1931),

также лицемерию и заносчивости поляков у Навроцкого и Хрущова-Сокольниковы, — и вместе с тем качествам современного человека. В изображении незаурядных характеров, цельных натур, глубоких страстей, простоты и дикой непосредственности чувств литовцев воспроизводились черты унаследованного от романтизма руссоистского образа естественного человека, не унифицированного и не испорченного цивилизацией. Аксиологические инверсии порождали модификации того же образа как грубого жестокого дикаря, немногим отличающегося от зверя.

ЛИТЕРАТУРА

- Бутвиловский: *Бутвиловский И.* Ботанический сад в Вильне (Летняя картинка) // Виленский вестник. 1868. № 79, 16 июля. С. <313>–314; № 80, 18 июля. С. <317>–318.
- ВА: – *ВА [Анастасевич В. Г.?].* Литовская песня // Отечественные записки. 1839. Т. IV. С. 142–143.
- Вольтер: *Вольтер Э. А.* Об изучении литовского языка и племени // Памятная книжка Виленской губернии на 1887 год. Вильна, 1886. С. 123–133.
- Глинка: *Глинка Ф.* Письма русского офицера, о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. М., 1870.
- Дурова 1839: *Александров [Дурова Н. А.]*. Гудишки. Роман в четырех частях. СПб., 1839.
- Дурова 1988: *Дурова Н. А.* Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1988.
- Жиркевич: *Нивин А. [Жиркевич А. В.]*. Картинки детства. Поэма. СПб., 1890.
- Киркор 1854: *Киркор А.* Литовские древности (Объяснение виньетки) // Черты из истории и жизни литовского народа. Вильно, 1854. С. 7–20.
- Коринфский 1912: *Коринфский А.* Поздние огни. Стихотворения 1908–1911 гг. СПб., 1912.
- Кормчий: *Кормчий Л. [Король-Пурашевич Л. Ю.]* Гений мира. Роман-легенда. Рига, 1931.
- Кудринский: *Кудринский Ф. А.* Литовцы (Общий очерк) // Виленский календарь на 1906 простой год. Вильна, 1905. С. 75–142.

- Кукольник Н.: *Кукольник Н. Альф и Альдона*. Исторический роман в четырех томах. СПб., 1842.
- Кукольник П. 1856: *Кукольник П. В.* О пособиях к дополнению литовской истории // Записки Виленской археологической комиссии. Ч. I. Вильно, 1856. С. 40–47.
- Кукольник П. 1860: *Кукольник П.* Исторические воспоминания о Немане // Памятная книжка Виленской губернии на 1860 год. Ч. 2: Историко-статистический сборник Виленской губернии. Вильно, 1860. С. 1–24.
- Кукольник П. 1861: *Кукольник П.* Стихотворения. Вильно, 1861.
- Лавринец 2008а: *Лавринец П.* «С медвежьей кожей на плечах»: литовец в русской литературе // *Barbaras Europos literatūroje ir kultūroje. Acta litteraria comparativa. Mokslo darbai.* 2008, 3. С. 159–172.
- Лавринец 2008б: *Лавринец П.* Литовцы и история Литвы в русской художественной литературе XIX – первой половины XX вв. // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir paveldo “dalybos”.* Vilnius, 2008. С. 393–414.
- Лавринец 2009а: *Лавринец П. М.* «Грюнвальдский бой» Г. А. Хрущева-Сокольниковой и «Альф и Альдона» Н. В. Кукольника // *Славянские чтения. VII.* Даугавпилс, 2009. С. 59–72.
- Лавринец 2009б: *Лавринец П.* Литва в русской литературе конца XIX – начала XX вв. // *Literatūra. Mokslo darbai.* 2009. 51 (2): *Russistica Vilnensis.* С. 59–72.
- Липкин 1888: *Липкин [М.]* Стихотворения. Вильна, 1888.
- Липкин 1890: *Липкин М.* Кейстут и Бирута. Литовская быль из XIV века // *Вестник Европы.* 1890. Кн. 4. С. 739–743.
- Навроцкий: *Вроцкий Н. А. [Навроцкий А. А.]* Крещение Литвы. Историческая драма в пяти действиях // *Русская речь.* 1879. Кн. IX. С. 1–76.
- Липкин 1905: *Липкин М.* Ягайло. Историческая поэма из времен XIV столетия. Вильна, 1905.
- Минцлов 1911: *Минцлов С. Р.* Литва. Исторические повести с иллюстрациями. СПб., 1911.
- Сидеравичюс 1983: *Сидеравичюс Р.* Литва и русский романтизм // *Литва литературная.* 1983. № 5 (32). С. 147–160.
- Сидеравичюс 1994: Сидеравичюс Р. «Грюнвальдский бой» и его автор // *Вильнюс.* 1994. № 4 (134). С. 18–23.
- Сидеравичюс 1998: *[Сидеравичюс Р.]*. Надежда Дурова // *Русская литература в Литве: XIV–XX вв. Хрестоматия.* Vilnius, 1998. С. 280–281.

- Снядецкий: *Снядецкий И.* О творениях классических и романтических // Вестник Европы. 1819. № 7. С. 193–204; № 8. С. 275–302.
- Соловьев: *Соловьев Вс. С.* Сочинения. Т. 1: Княжна Острожская. Исторический роман XVI века. СПб., 1887.
- Федута: *Федута А. И.* Письма прошедшего времени: Материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск, 2009.
- Хрущов-Сокольников: *Хрущов-Сокольников Г. А.* Грюнвальдский бой, или Славяне и немцы: Исторический роман-хроника. СПб., 1889.
- Aleksandravičius, Kulakauskas: *Aleksandravičius E., Kulakauskas A.* Carų valdžioje. XIX amžiaus Lietuva. Vilnius, 1996.